

Батчиков Сергей Анатольевич — директор Центра проблем управления крупными социально-экономическими системами Международного научно-исследовательского института проблем управления, кандидат экономических наук.

Титаны советской науки

Светлой памяти академика Ю.А. Овчинникова



Прибытие в Гавану. 1985 г.

*Вы идете обычной тропой
Он — к снегам недоступных вершин...*

Мирра Лохвицкая

В августе 2019 г. мы будем отмечать 85 лет со дня рождения одного из титанов советской науки академика Юрия Анатольевича Овчинникова, сыгравшего решающую роль в становлении отечественной биоорганической химии, физико-химической биологии и биотехнологии.

А в феврале Институт биоорганической химии имени М.М. Шемякина и Ю.А. Овчинникова, который Юрий Анатольевич возглавлял в течение 18 лет, отметил свой 60-летний юбилей.

Эти юбилейные даты — повод оглянуться назад и отдать дань памяти удивительному человеку, чьи дела и свершения были направлены в будущее.

DOI: 10.33917/es-3.161.2019.106-115

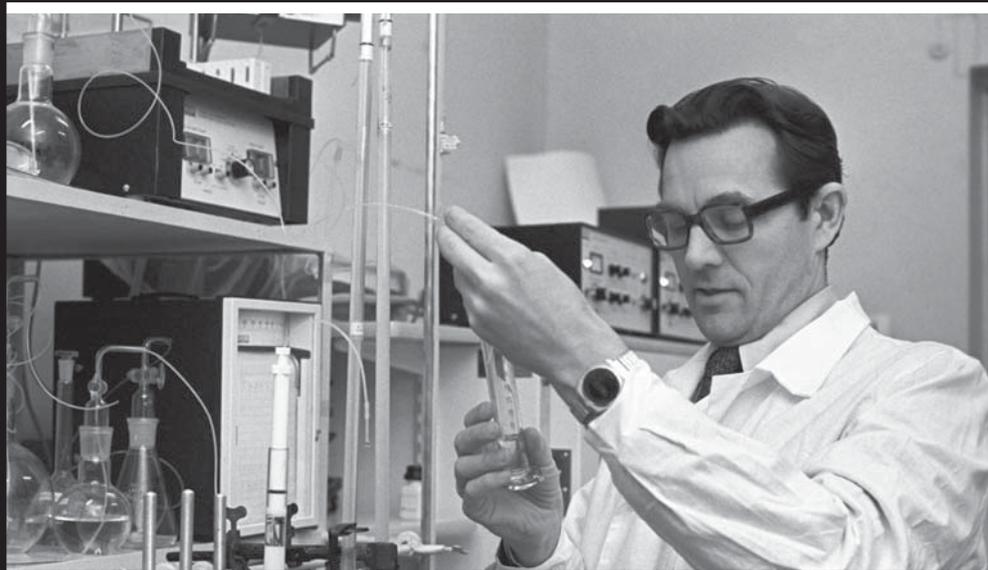


Фото: Фотохроника ТАСС / Олег Кузьмин. Академик Ю.А. Овчинников в своей лаборатории за исследованиями. Москва, Институт биоорганической химии имени М.М. Шемякина АН СССР. 1977 г.

Юрию Анатольевичу Овчинникову было всего 53 года, когда 17 февраля 1988 г., полный идей и творческих замыслов, он безвременно ушел из жизни. Я бесконечно благодарен судьбе за то, что мне довелось знать и какое-то время работать вместе с этим талантливейшим человеком, для которого без всякого преувеличения не существовало пределов возможного. Всегда и во всем он руководствовался девизом эпохи Возрождения «Могу!». О таких людях часто говорят «ренессансный тип личности», подразумевая, что они, подобно великому Леонардо да Винчи, не ограничились одной областью интересов и деятельности и везде добились выдающихся результатов. Бывают эпохи, порождающие множество подобных людей. Так было в Древней Греции в IV–III в. до н.э., когда закладывались основы наук. Такой эпохой стало Возрождение в Европе. И, несомненно, такой пассионарной эпохой стали в СССР 30–70-е годы XX столетия — время торжества научного предвидения и триумфа советской науки, время открытий и грандиозных достижений С.П. Королева и П.Л. Капицы, Л.Д. Ландау и И.В. Курчатова, А.М. Прохорова и Н.Г. Басова, А.Н. Несмеянова и Н.Н. Семенова, М.В. Келдыша и А.Н. Колмогорова, А.П. Александрова и Л.В. Канторовича, М.М. Шемякина и Ю.А. Овчинникова.

Юрий Анатольевич избрал для себя химию, но всегда был убежден в плодотворности соединения наук и в том, что на их стыке возможны самые удивительные открытия. Он был человеком энциклопедических знаний и всегда смело пересекал границы между науками — химией, биологией, физикой, философией. Именно на стыке наук он совершил свои самые важные открытия, многие из которых опередили аналогичные исследования на Западе, обеспечив приоритет советской науки. Во многом благодаря научной интуиции Ю.А. Овчинникова и его организаторскому таланту в 70-е и 80-е годы XX столетия произошел настоящий прорыв и в отечественной, и в мировой физико-химической биологии и биотехнологии.

Если бы Ю.А. Овчинников не ушел из жизни так рано, то, несомненно, стал бы вторым в истории России химиком — лауреатом Нобелевской премии.



Награждение академиков Ю.А. Овчинникова и А.А. Логунова медалями перуанского Национального университета Сан-Маркос. Москва, Дом ученых. 1980 г.



Фото: Фотохроника ТАСС / Анатолий Морковкин. Вице-президент АН СССР академик Ю.А. Овчинников и президент АН СССР А.П. Александров (слева направо) в перерыве между заседаниями Президиума АН СССР. 1984 г.

Ему было всего 32 года, когда он блестяще защитил докторскую диссертацию по химии депсипептидов, интерес к изучению которых он сохранил на протяжении всей жизни. Через четыре года он уже действительный член Академии наук СССР и директор института, которому после смерти академика М.М. Шемякина было дано его современное название — Институт биоорганической химии (ИБХ). В возрасте 39 лет Ю.А. Овчинников становится вице-президентом Академии наук, самым молодым за всю историю ее существования. По мнению многих российских и зарубежных коллег, если бы он не ушел из жизни так рано, то, несомненно, стал бы вторым в истории России химиком — лауреатом Нобелевской премии. На Родине его научные достижения были отме-

**М.В. Келдыш говорил:
«Юрий Анатольевич за два часа
может сделать больше,
чем другой за неделю».**

сколько как о Человеке, мыслителе, организаторе, личности поразительного масштаба.

«Могу», — говорил Ю.А. Овчинников в любых обстоятельствах и добивался блестящих результатов во всем, за что бы ни брался — покорял Красноярские столбы и, поражая коллег, отвес-



Подписание соглашения между АН СССР и АН Кубы о научном сотрудничестве. 1985 г.

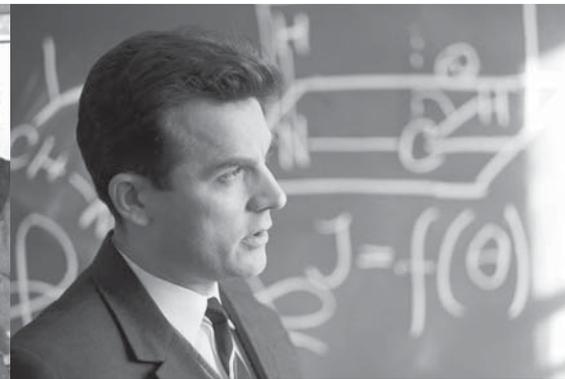


Фото: Фотохроника ТАСС / Олег Кузьмин.
Директор Института биоорганической химии
имени академика М.М. Шемякина АН СССР
Ю.А. Овчинников. 1970 г.

чены множеством наград — орденами, медалями, званием и золотой звездой Героя Социалистического Труда. Он был почетным доктором многих европейских университетов и почетным иностранным членом многих академий наук и научных обществ.

Я познакомился с академиком Ю.А. Овчинниковым в 1980 г., работая в Управлении внешних сношений Президиума Академии наук СССР. Поскольку мне пришлось общаться с ним не в лабораторных условиях, а в ходе приема зарубежных делегаций, поездок делегаций наших ученых на различные мероприятия (с неизбежными в долгих поездках неспешными беседами на самые разные темы), а также при решении многих сложных организационных вопросов, мне бы хотелось рассказать о Юрии Анатольевиче не столько как о блестящем исследователе,

ные альпийские скалы, был чемпионом МГУ по борьбе и по-гроссмейстерски играл в шахматы, прекрасно плавал, в том числе и под водой, читал со скоростью свыше 1000 слов в минуту, свободно владел английским и немецким языками, а заинтересовавшись испаноязычным миром, тут же взялся за изучение испанского и потом в течение десяти лет возглавлял Общество дружбы СССР — Испания. Юрий Анатольевич обладал незаурядным актерским талантом, раскрывшимся еще в студенческие годы. Когда Лиля Брик увидела его в роли молодого Маяковского на сцене ленинградского театра в пьесе В. Катаняна «Они знали Маяковского», она расплакалась, потрясенная игрой талантливого студента. Выдающийся актер Николай Черкасов, также исполнявший роль Маяковского в этой пьесе, настойчиво приглашал Овчинникова играть в театре. «Ну зачем тебе пробирки?!

Ты можешь стать великим артистом!» — говорил он будущему академику.

Неудивительно, что в эпоху освоения космоса, покорения ядерной и термоядерной энергии, создания новых веществ и материалов, квантовых генераторов и полупроводниковых приборов, в эпоху настоящего подвижничества в науке и массового интереса к ней Юрий Анатольевич с его незаурядным творческим мышлением, любознательностью и способностью моментально схватывать самую суть любой проблемы выбрал именно науку, которой отдался с таким же упоением и азартом, как спорту и сцене. Исследовательский процесс, обсуждение и осмысление полученных результатов приносили ему высочайшее удовлетворение.

возможности генетической инженерии в получении практически важных белков и открывающиеся перспективы для развития биотехнологии. Под его руководством была расшифрована структура целого ряда белков, созданы продуценты первых отечественных продуктов генно-инженерной биотехнологии — интерферона и инсулина человека.

Как директор института Ю.А. Овчинников мечтал создать самый совершенный и передовой исследовательский центр, где ученым были бы созданы наилучшие условия для творческого труда. В середине 1970-х годов он добился решения о строительстве для ИБХ нового современного здания. При обсуждении вопросов финансирования «наверху» настаивали на реали-



Советская делегация на переговорах в АН Кубы. 1985 г.



В Институте биоорганической химии имени академика М.М. Шемякина АН СССР с экс-президентом Мексики Луисом Эчеверри Альваресом. 1985 г.

Он считал науку и искусство двумя сторонами стремления человека к истине, красоте, гармонии и познанию законов природы.

После окончания аспирантуры молодой ученый занялся малоизученной на тот момент областью — химией пептидов, а точнее депсипептидами-антибиотиками. Его исследования в области расшифровки структур, химического синтеза и изучения конформационных состояний пептидов послужили основой для создания новых высокоактивных пептидов различной природы (гормонов, антибиотиков, нейропептидов, субстратов и ингибиторов ферментов). За пионерские исследования в области избирательного переноса ионов металлов через мембраны его стали называть первым мембранологом. В конце 1970-х годов Ю.А. Овчинников одним из первых в нашей стране оценил воз-

звонки типового проекта, но Юрий Анатольевич упорно возражал: «Я могу в типовом здании заниматься наукой вчерашнего дня или, в крайнем случае, дня сегодняшнего, но не смогу в нем заниматься наукой будущего». Этот его аргумент в итоге решил судьбу проекта, и необходимое финансирование было выделено.

В 1984 г. ИБХ переехал в новое здание на улице Миклухо-Маклая, которое иногда называют «ДНК-зданием». Здание действительно построено в виде двойной спирали ДНК, что особенно хорошо видно на кадрах аэрофотосъемки. Именно Ю.А. Овчинников был инициатором использования подобного образа, который имеет не только символическое, но и практическое значение, гармонично сочетая пространства для химических, биологических и физических исследований, а также для мелкомасштабного

экспериментального производства. Для удобства сотрудников в здании есть даже зимний сад и бассейн. Перед зданием — скульптурная композиция, изображающая изящную пространственную структуру депсипептида валиномицина, исследованиями которого по праву гордятся сотрудники ИБХ. Интерьеры в футуристическом стиле, выполненные с учетом указаний и рекомендаций Овчинникова, напоминают не обычный институт, а скорее «Солярис» Андрея Тарковского. В институте всегда, даже в тяжелые для науки 90-е, было много молодежи. «Молодежь — это наша надежда. И от ее умения и труда зависит очень многое», — говорил Ю.А. Овчинников и не жалел времени и сил для подготовки молодых ученых. В 1975 г. он создал кафедру биоорганической химии в МГУ, в 1982-м — кафедру физико-химической биологии и биотехнологии в МФТИ, а затем Учебно-научный центр в ИБХ и часто читал там свои яркие лекции, неизменно собиравшие переполненные аудитории.

Юрий Анатольевич гордился своим институтом и научными достижениями своих коллег. Когда в 1974 г. его избирали вице-президентом Академии наук СССР, в ходе выборов возник вопрос о том, что ему будет трудно совмещать руководство институтом и работу на посту вице-президента. Представлявший кандидатуру Ю.А. Овчинникова президент АН СССР М.В. Келдыш

на это ответил: «Юрий Анатольевич за два часа может сделать больше, чем другой за неделю». Его плодотворная работа и на посту директора ИБХ, и в качестве вице-президента Академии наук стала тому блестящим подтверждением.

Он сыграл огромную роль в возобновлении в нашей стране масштабных исследований в области биологии, в которой в тот период из-за засилья лысенковщины СССР отставал на несколько десятилетий. Если бы не Ю.А. Овчинников, генетика еще долго продолжала бы находиться под запретом. По его инициативе в 1973,

Юрий Анатольевич был человеком поистине всемирного масштаба.

1981 и 1985 гг. было принято три постановления ЦК КПСС и Правительства СССР о развитии молекулярной биологии, предусматривающих комплекс мер по строительству, финансовой и кадровой поддержке большого числа научных центров. Реализация этих мер позволила осуществить громадный скачок в развитии отечественной биологии и биотехнологии и прак-



Ю.А. Овчинников с президентом Академии наук Кубы на корабле АН Кубы

тически ликвидировать отставание от Запада в этой области. «Выбивать» необходимые на эти цели средства было непростой задачей, но дипломатичный и харизматичный вице-президент умел находить весомые аргументы не только в научных спорах, но и в беседах с секретарями ЦК КПСС и членами правительства.

Вспоминается история с перуанской биостанцией, директором которой я работал с 1987 по 1992 г. В начале 80-х годов у Ю.А. Овчинникова возникла идея организовать биостанцию для изучения биохимии природных соединений в тропическом поясе с его удивительным биологическим разнообразием. Этой идеей он сумел заинтересовать ректоров ведущих перуанских университетов. Реализовать проект, который очень не нравился американцам и к тому же требовал значительного финансирования, было весьма непростой задачей, но Юрий Анатольевич никогда не останавливался на полпути и всегда доводил начатое до конца. После переговоров с ректорами перуанских университетов в Москве и последующей поездки делегации АН СССР в Перу все необходимые документы были подписаны перуанской стороной. На следующий же день после возвращения из поездки в Латинскую Америку Ю.А. Овчинников подготовил проект постановления ЦК КПСС и правительства по биотехнологии, куда был включен и пункт об организации биостанции в Перу. В 1985 г. станция успешно заработала и дала богатейший материал для исследований.

За неполных 15 лет работы на посту вице-президента Ю.А. Овчинников сделал чрезвычайно

много. По всей стране была создана сеть лабораторий и НИИ биоорганической химии, организованы соответствующие кафедры в ведущих вузах, в том числе в МГУ и МФТИ, постоянно укреплялась материальная база генно-инженерных и биотехнологических исследований. Сделанное им помогло нашей фундаментальной науке удержаться на плаву в лихие девяностые. Юрий Анатольевич считал Академию наук мощнейшим институтом для развития фундаментальных исследований, который помог советской науке выйти на ведущие позиции в мире. «Задача фундаментальной науки заключается в том, чтобы развиваться во всех возможных направлениях, потому что трудно себе представить заранее, где именно произойдет „всплеск“. И Академия наук оказывается всегда готовой к развитию самого неожиданного направления», — говорил он и в качестве примера приводил генетическую инженерию, в которой в течение очень короткого периода произошел настоящий прорыв. Нет сомнений, что, если бы ему суждено было дожить до сегодняшнего «реформирования» Академии наук, он приложил бы всю свою энергию, чтобы не допустить разрома.

Юрия Анатольевича Овчинникова всегда отличали государственный размах, широта взглядов и стратегическое видение перспектив. Его постоянной заботой было обеспечение высокого уровня работ академических институтов и их соответствие духу и пульсу времени. «Невозможно представить настоящего ученого, который не требовал бы от себя и своих коллег, чтобы сделанное ими отвечало новейшим мировым достижениям и открытиям», — говорил он и поэтому уделял пристальное внимание обновлению кадров, притоку молодежи, зарубежным стажировкам талантливых ученых и их участию в международных конференциях. Когда в 80-е годы в ЦК КПСС было принято решение, в соответствии с которым на международные конференции могло выезжать не более 15 ученых, Юрий Анатольевич категорически не мог с этим согласиться. Он считал, что детальное знакомство большой группы ученых с работой зарубежных лабораторий и исследовательских центров позволяет не только познакомиться с достигнутыми результатами, но и оценить многообещающие и тупиковые направления исследований и в дальнейшем за счет концентрации имеющихся финансовых ресурсов на наиболее перспективных работах экономить государственные средства. С этим вопросом вице-президент Ю.А. Овчинников пошел на прием к всесильному члену Политбюро ЦК КПСС, курировавшему

С народным артистом СССР Н.К. Черкасовым
в роли В.В. Маяковского



науку. Там он в ответ на свои аргументы услышал: «Вашим ученым за границей только джинсы нужны». «И Вы с такими взглядами курируете фундаментальную науку?» — задал вопрос Юрий Анатольевич. «А Вы кому-нибудь об этом уже говорили?» — последовал встречный вопрос. «Я, безусловно, скажу, если потребуется», — ответил Ю.А. Овчинников. После этого разговора он получил «добро» на выезд за рубеж необходимо, по его мнению, количества ученых.

Юрий Анатольевич был человеком поистине всемирного масштаба. Помимо огромного авторитета в научном мире (достаточно упомянуть, что в течение 15 лет своей жизни — с 1972 по 1988 г. — по цитируемости научных работ, по данным американского еженедельника *The Scientist*, он занимал первое место среди всех советских химиков и биологов, а на конференции, которые он проводил, даже в годы холодной войны всегда съезжались абсолютно все, включая самых именитых приглашенных), он пользовался заслуженным уважением королей и президентов, политиков, министров и крупных бизнесменов, многих из которых он хорошо знал лично. Приведу лишь два примера.

В 80-е годы он как председатель Общества дружбы СССР — Испания несколько раз встречался с президентом Международного олимпийского комитета и председателем испанского Общества дружбы с СССР Хуаном Антонио Самаранчем. На Самаранча человеческое обаяние и энциклопедические знания Ю.А. Овчиннико-

ва, в том числе в области живописи, произвели такое сильное впечатление, что он предложил организовать в Институте белка в Пущино выставку картин из своей личной коллекции, в которую входили полотна Гойи, Веласкеса и других гениальных живописцев. Эта идея, как и все, за что брался Юрий Анатольевич, была успешно реализована.

В 1985 г. возглавляемая Ю.А. Овчинниковым делегация АН СССР, в состав которой входили академики и директора ведущих академических институтов, прилетела в Гавану подписывать соглашение о научном сотрудничестве с Кубой. После завершения официальной части визита поздно вечером познакомиться с делегацией неожиданно приехал Фидель Кастро. По его собственным словам, он заехал всего на полчаса выразить свое уважение членам делегации. Но начав беседовать с Ю.А. Овчинниковым, Фидель так увлекся, что разговор о проблемах бытия, границах научного познания и развитии человека продолжался до самого утра, почти шесть часов.

Фидель Кастро делился размышлениями о том, что реализация задач социалистического проекта сама по себе не делает людей счастливыми, рост материального достатка без обогащения духовной сферы человека незаметно деформирует шкалу ценностей так, что духовная сфера начинает обедняться. Между двумя одинаково важными процессами может даже возникнуть антагонизм. В теории социализма формально эта проблема сформулирована, но совершенно

Ю.А. Овчинников принимает Председателя Государственного совета Кубы Фиделя Кастро в Институте биоорганической химии имени академика М.М. Шемякина АН СССР. 1985 г.



Если бы Ю.А. Овчинникову суждено было дожить до сегодняшнего «реформирования» Академии наук, он приложил бы всю свою энергию, чтобы не допустить разгрома.

не разработана. Фидель Кастро пришел к выводу о необходимости принципиального увеличения «инвестиций в человека», расширения возможностей участия в деятельности, приносящей духовное удовлетворение. Первыми такими сферами он считал образование, эффективное здравоохранение и спорт.

Юрий Анатольевич Овчинников, исходя из советского опыта, считал, что само по себе образование, без обширных сфер деятельности, требующих высокого уровня знаний и умений, не приносит удовлетворения. Напротив, не находя применения своему потенциалу, человек страдает. Разрешение этого противоречия академик Ю.А. Овчинников видел в расширении сфер творческой работы как источника счастья и преодолении рамок «обывательского коммунизма». Он, как никто другой, понимал, что сделать так, чтобы человек почувствовал себя счастливым, можно биохимическими способами. Но еще лучше он понимал, что нельзя вторгаться в эту тонкую сферу и что истинное, а не суррогатное счастье может дать людям только раскрытие гигантского творческого потенциала.

Фактически с кубинским лидером они обсуждали концепцию общества знания в социальных условиях Кубы и СССР и огромный потенциал сотрудничества в этой области.

В конце беседы Кастро неожиданно спросил Овчинникова: «Вы, наверное, сибиряк? В Вас чувствуется огромная жизненная энергия, которую я наблюдал в людях только в Сибири». Юрий Анатольевич улыбнулся и ответил Фиделю, что Красноярск, в котором прошли его детство и юность, он действительно считает своим родным городом, и в этом смысле он сибиряк, но что и самому Фиделю жизненной энергии тоже не занимать. Кастро уехал, а Юрий Анатольевич после долгой ночной беседы собрал чемодан и отправился в аэропорт, чтобы лететь в США. Ему предстоял очередной напряженный день. Многие считают, что его болезнь, начавшаяся после поездки в США, не была случайной. Ведь в США его считали главным разработчиком имевшегося у СССР химического и биологического оружия.

Юрий Анатольевич никогда не жалел себя в работе и требовал, порой довольно жестко, того же от других. *Per aspera ad astra* («через тернии к звездам»), — цитировал он иногда римского философа-стоика Сенеку, а для тех, кто не владах с латынью, приводил свою формулу: «Чтобы сказать свое слово в науке, нужны *титанические усилия*». Его собственная работоспособность при решении любых теоретических, практических или организационных задач была просто поразительной, каждые «овчинниковские сутки» вмещали нереальное количество дел, а когда времени все равно не хватало, он был всегда готов пожертвовать часами короткого ночного отдыха. Порой казалось, что для него не существовало непреодолимых рубежей усталости.

Главным качеством исследователя Ю.А. Овчинников считал научную добросовестность, и сам придерживался высочайших стандартов интеллектуальной честности в планировании, проведении и представлении результатов научных исследований. Однажды в разговоре он упомянул о том, как столкнулся с подделкой резуль-

Ю.А. Овчинников на яхте Фиделя Кастро с президентом АН Кубы и капитаном. 1985 г.



татов научных исследований. «В таких случаях я бываю беспощаден», — произнес он таким ледяным и жестким тоном, что задавать вопрос о дальнейшей судьбе фальсификатора не имело смысла.

Главным качеством исследователя Ю.А. Овчинников считал научную добросовестность, и сам придерживался высочайших стандартов интеллектуальной честности.

Будучи жестким руководителем во всех принципиальных вопросах, Юрий Анатольевич отличался удивительной отзывчивостью и готовностью прийти на помощь. Была ли это научная или, как иногда случалось, чисто житейская проблема, он моментально схватывал суть и предлагал пути решения и свою помощь.

Полностью посвятив себя науке, Ю.А. Овчинников сохранил незаурядные артистические данные. Они придавали особый блеск всем его выступлениям на конференциях, делали его незаменимым ведущим на конференциях и крупных научных форумах, кумиром молодых ученых, а в трудных переговорах всегда давали дополнительное преимущество. Даже незадолго до смерти, будучи тяжело больным, он выступал вдохновенно. Многим запомнилось его блистательное выступление в институте всего за два месяца до смерти, когда он был уже очень тяжело болен. Лишь самые близкие знали, чего оно ему стоило.

Он обладал удивительной способностью понравиться любому собеседнику и убедить его в своей правоте. Я часто задавал себе вопрос: как ему это удается? Дело, видимо, в том, что, как никто другой, он умел очень внимательно и уважительно слушать и воспринимать точку зрения собеседника, которая всегда была ему интересна. Помогало и чувство юмора, которое снимало любое напряжение.

Чувство юмора приходило Ю.А. Овчинникову на помощь и во многих по-настоящему трудных ситуациях. В 1983 г. в ходе поездки по Перу мы оказались в небольшом городке Хулиака недалеко от озера Титикака, где в те дни проходила забастовка единственной местной авиакомпании. Поскольку вынужденная задержка лома-

ла всю программу поездки Ю.А. Овчинникова по Латинской Америке, нам пришлось арендовать машину, чтобы добраться до Арекипы, откуда можно было улететь другой авиакомпанией. Машина оказалась 1949 г. выпуска... Горная дорога, которую можно было назвать дорогой лишь условно, поскольку количество проезжавших по ней в неделю автомобилей можно было пересчитать по пальцам, проходила через перевал на высоте более 4000 м (днем +20, ночью –15). И вот ближе к вечеру недалеко от перевала среди столбиков, поставленных в память о погибших, наша ретромашина заглохла. Помощи ждать нелегко, связи нет, вокруг безжизненная пустыня, над которой летают грифы. Все приуныли и ждали взрыва негодования от Ю.А. Овчинникова как главы делегации. «Я только одного не понимаю: зачем мы забрались в славный город Хулиаку?» — пошутил Юрий Анатольевич. Это сразу сняло напряжение в сложной ситуации, мы дружно взялись за реанимацию древнего автомобиля и в конечном итоге успешно добрались до Лимы.

«Он обладал французским обаянием, итальянским темпераментом, немецкой деловитостью, искренностью и прямотой американца, сердечностью русского. Какое сочетание!» — написал о Ю.А. Овчинникове нобелевский лауреат, специалист по молекулярной биологии Гюнтер Блобель. С этими словами согласятся все, кто знал Юрия Анатольевича. Но все эти качества — скорее внешнее описание человека. А по своему внутреннему содержанию это был



Слева направо: экс-президент Мексики Луис Эчеверриа Альварес, Ю.А. Овчинников и посол Мексики в СССР Орасио Флорес де ла Пенья

интеллект космического масштаба в сочетании с такой же космической энергией. И эти интеллект и энергия были устремлены в будущее, которое Ю.А. Овчинников создавал в настоящем своим огромным талантом и титаническим трудом. Он был генератором идей и всегда доводил их до логического конца, он был мыслителем в самом точном значении этого слова, государственным и патриотом, романтиком и душой компании, сильным лидером, вокруг которого собирались такие же сильные и преданные науке люди. Мне приходилось участвовать во встречах со многими крупными учеными, видными политиками и министрами, первыми лицами некоторых государств, но среди всех этих людей академик Ю.А. Овчинников занимает особое место.

За свою недолгую жизнь он сумел сделать невероятно много — стать первопроходцем в малоизученных областях науки, совершить множество прорывных открытий, увлечь наукой тысячи молодых людей и воспитать выдающихся учеников, продолжающих его дело, построить институт для науки завтрашнего дня, названный его именем. Он был одним из титанов советской науки XX столетия — эпохи, в которую одна треть всех величайших научных открытий века была сделана российскими учеными. Фундамент этой науки закладывался среди голода и разрухи двадцатых годов, когда у молодого государства хватило мудрости не только решать частные технические задачи восстановления хозяйства, но и создавать большую теоретическую науку:

открывались институты по основным разделам естествознания, для них закупалось все необходимое оборудование. Сегодняшнее состояние российской науки нынешний президент РАН академик А.М. Сергеев назвал «близким к катастрофическому». В докладе ЮНЕСКО по науке «На пути к 2030 году» вклад России в мировую науку оценен в 1,7% по сравнению со вкладом США — 28,1%, КНР — 19,6% и ЕС — 19,1%. На долю России приходится лишь 0,2% от общего числа патентов в мире. Последние из титанов, прославивших нашу науку и создавших систему академических институтов и научных центров в стране, уходят в историю. Прекращать науку, рулить финансовыми потоками, ликвидировать с таким трудом созданные академические институты в регионах бросились толпы полуграмотных менеджеров — безликая чиновничья масса. В руководстве научно-исследовательских институтов на смену гигантам науки приходят администраторы. Забыты слова П.Л. Капицы о том, что роль руководителя большого научного коллектива должна быть *творческой*, а не чисто административной. Сегодня в большинстве институтов сотрудники обращаются к директору исключительно по финансовым и организационным вопросам, но не по содержанию исследовательских работ, как это было при таких директорах, как Ю.А. Овчинников.

Хочется надеяться, что стартовавший национальный проект «Наука» поможет изменить ситуацию. Главное, чтобы идея развития науки не выродилась в написание планов и регламентов,

а ближе к концу заявленного периода — отчетов о проделанной работе. Науке необходимо создать условия для оптимального развития или хотя бы не мешать ей, избавив от мощного административного прессы и погони за количественными показателями. Только в этом случае появятся новые ростки научного творчества и вновь возобладают идеи беззаветного служения науке, которыми руководствовались поколение титанов, таких как академик Юрий Анатольевич Овчинников. **✎**

ПЭС 19021 / 18.03.2019



Фото: Фотохроника ТАСС / Олег Кузьмин. Директор Института химии природных соединений академик Ю.А. Овчинников во время заседания ученого совета. 1971 г.